

Спор об объеме логики в Германии первой половины XIX в.: дисциплинарные границы логического знания*

В статье рассматривается дискуссия о дисциплинарных границах логики в немецкой философии начала XIX в. Предлагается выделить четыре конкурирующих проекта понимания логического знания. Анализ данной полемики позволяет скорректировать представление о месте гегелевского проекта «науки логики» и прояснить исторические контексты становления формальной логики в качестве отдельной дисциплины.

The following paper considers the debate on disciplinary boundaries of logic in German philosophy of the early 19th century. It is supposed to distinguish four competing views on understanding of the logical knowledge. The analysis of the controversy enables to adjust the location of the Hegelian idea of the "Science of Logic," project and to clarify the historical context of the emergence of formal logic as a discipline.

Ключевые слова: психологизм, логический вопрос, формальная логика, дисциплинарные границы.

Key words: Psychologism, logic question, formal logic, disciplinary boundaries.

Немецкая философия XIX в. была богата на логические проекты. Только в оглавлении своей книги «Новейшие направления в области логики у немцев и логический вопрос» (1880) Леонард Рабус указывает 45 имен, а в персональном регистре – их свыше 240 [19]. Столь внушительное количество философов, высказывавшихся по логической проблематике, заставляет задуматься о релевантности нашего понимания процессов, проходивших в немецкой философии, в частности, это касается представления о гегелевском проекте «науки логики» как о ведущем для этого периода, а также об адекватности стратегий работы с этим объемным материалом.

Наиболее правильным в этом случае представляется начать исследование с анализа дискуссии о дисциплинарных границах логики, имевшей место в начале XIX в. и не получившей, в отличие от последующего этапа полемики¹, терминологического оформления. Рассмотрение споров

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Логическое следование, общезначимость и онтологические основания от Аристотеля до Тарского», грант РГНФ 11-03-00601а; руководитель – доктор философских наук, профессор Я. Н. Слинин (Санкт-Петербургский государственный университет).

¹ Этап 1850–1880 гг. получает уже в современной ему литературе название «логический вопрос». Основанием для этого служит название статьи Адольфа Тренделенбурга. Подробнее об этом см. [13; 28].

о специфике логического знания и его месте в общей архитектуре философских наук позволяет выделить четыре конкурирующих проекта: 1) декларирующий необходимость включить в логику результаты психологических исследований; 2) требующий расширить границы логики за счет метафизики; 3) утверждающий обособление логики в структуре философского знания; 4) понимающий логику как субдисциплину теории познания. Каждый из них представляет собой проект по сужению или расширению границ логического знания, поэтому вся дискуссия в целом может быть обозначена как спор об объеме логики.

Логика и угроза психологизма

Дискуссии о понимании логики и ее места в пространстве философского дискурса разворачиваются в контексте борьбы за символическую преемственность кантовской философии. Различные толкования задач, предписываемых Кантом логике, интерпретация таких понятий его философии, как рассудок и разум, – все это становится основанием для разработки логических программ следующим поколением философов.

В «Критике чистого разума» Кант постулирует фактическую завершенность и неизменность логического знания со времен Аристотеля и называет его «общая логика» (*allgemeine Logik*). Логика понимается Кантом только как канон мысли, средство, позволяющее избежать ошибок:

«Она есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления (все равно, априорное ли оно или эмпирическое; безразлично, каковы его происхождение или предмет и встречается ли оно случайные или естественные препятствия в нашей душе)» [5, с. 9].

Логика из инструмента нахождения истины, как это было у Лейбница, Вольфа и Ламберта, превращается во вспомогательное знание¹. Уберегая от ошибок в мышлении, логика выступает в качестве «негативного условия истины», так как не позволяет обнаружить заблуждения в содержании познания. Согласно этой роли, в обновленной системе знания логика не должна расширяться за счет «психологических, метафизических и антропологических разделов». Эпистемологическую ограниченность общей логики Кант компенсирует введением в ее структуру нового раздела – трансцендентальной логики, науки о «чистом рассудке и о разумном познании, благодаря которым мы мыслим предметы совершенно *a priori*» [5, с. 145]. Трансцендентальная логика должна исследовать, насколько такое знание возможно и где пролегают его границы. Именно на трансцендентальную логику Кант возлагает важную миссию по обоснованию метафизики как науки.

---

¹ О математизации логики как о характерной для XVIII в. тенденции и отказе Канта от дальнейших разработок в этом направлении см. [18, s. 25–120].

Одним из первых с кантовским определением логики не соглашается Якоб Фриз (1773–1843), считавший себя последовательным сторонником и продолжателем кантовских идей. Упрека в нечеткости определения логики, однако, Кант удостоивается не в связи с намеченным разделением логического знания:

«Объяснение логики как науки об общих законах мышления двояко, ибо под этими законными мышления мы понимаем только правила, по которым наш рассудок схватывает, обосновывает, заключает и строит системы, и это вопрос не философии, а эмпирической антропологии, так как на него мы можем ответить только из внутреннего опыта. Напротив, логика должна быть формальной философией (*formale Philosophie*), и философские познания должны содержать общие и необходимые законы о сущности вещи вообще, и не содержать единичные правила об образе мыслей нашего рассудка. Поэтому логикой как философской наукой является только аналитика; система аналитических суждений, законы мышления здесь не только субъективные законы, согласно которым мы думаем, но объективные законы мыслимости вещи» [10, s. 263–264].

Для Фриза любое суждение является актом психологической деятельности, и поэтому должно быть исследовано согласно психологическим особенностям познающего субъекта, т. е. человека. В «антропологизации» Фриз видит главное средство совершенствования кантовской философии. Согласно ему, определение логики как науки о законах мышления слишком общее, так как в этом случае всякое последовательное теоретизирование может быть отнесено к сфере логики. Логика в интерпретации Фриза оказывается системой законов, согласно которым в сознании существуют представления о внешних сознанию объектах – вещах. Сами эти объекты существуют вне сознания по тем же формальным законам. Объединяя априорное познание с эмпирически-психологическими методами, Фриз дополняет общую логику Канта исследованиями механизмов абстрагирования. Термин «чистая логика» кажется Фризу слишком неопределенным, и он предлагает разделить логику на философское учение – антропологическую логику, и логику, ведущую свое начало от Аристотеля, которую он предлагает назвать «демонстративной» [11, s. 3]. В изданном в 1811 г. школьном пособии «Система логики» Фриз сохраняет верность сложившейся таксономии и делит пособие на две части: «Учение о формах мышления» с подзаголовком «Чистая общая логика» и «Отношение форм мышления к целому познанию человека» – вторая часть, в которой он излагает так называемую «прикладную логику».

Несмотря на то, что союз учеников Фриза, образованный сразу после смерти философа, просуществовал недолго, ряд его идей оказал существенное влияние на широкий круг немецких интеллектуалов. Фризовская концепция включения психологических исследований в поле

логики была близка его младшему современнику Эдуарду Бенеке (1798–1854), автору таких сочинений, как «Основания физики нравов» (1822) и «Учебник логики как практическое руководство (Kunstlehre)»¹ мышления» (1842). Оба мыслителя, предложившие включить в область логических учений психологическую проблематику, могут быть отнесены к первым представителям психологизма. В монографии «Психологизм: ситуативное исследование по социологии философского знания» Мартин Куш, рассматривая теоретические дискуссии на фоне институционального конфликта, выделяет две роли психологизма: смешение (role hybridisation) философии и психологии, которое привело к подъему «новой психологии», и очищение (role purification) как реакция «чистой философии» на новую психологию [16]². Радикальное обновление методов психологических исследований, развитие клинической психологии воодушевляет эмпирически ориентированных философов и несет скрытую угрозу традиционной архитектуре философского знания. Включение психологии в состав логики ставит под сомнение потенциал собственно философских построений. В историко-научной перспективе «борьба» с психологизмом приводит к появлению в начале XX в. логистических программ, предлагающих развернутую аргументацию разделения логических и психологических аспектов законов мышления. В начале XIX в. программе психологизации логики противопоставляется в качестве альтернативного проект Гегеля.

Царство истины или мертвые формы

Фриз и Гегель были не только одногодками, но одновременно в 1801 г. начали свои академические карьеры в Йенском университете. Оба тогда еще только начинающих философа уже во втором семестре (летний семестр 1802 г.) анонсируют курсы с одинаковым названием «Логика и метафизика».

Гегель, как и Фриз, предлагает модифицировать философию Канта. Во введении в «Науку логики» он не соглашается с кантовской оценкой логики Аристотеля. Для Гегеля тот факт, что аристотелевская логика с момента создания не претерпела существенных изменений, служит аргументом в пользу радикального ее реформирования [2, с. 105]. Пессимистичен взгляд Гегеля на перспективы познания посредством формальных законов мышления, для него они лишь «мертвые формы».

¹ Р. Громов предлагает переводить термин «Kunstlehre» как «практическое руководство» [3, с. 248–249].

² Кроме работы М. Куша, рассматривающего дискуссии вокруг психологизма с акцентом на их институциональные особенности, стоит отметить исследование М. Рата «Спор о психологизме в немецкой философии». Исходя из несколько иных методологических оснований, Рат, описывая и типологизируя психологические философские учения, выделяет три вида психологизма: атрибутивный, субститутивный и конструктивный [20].

Взамен этого он рисует образ логики как «системы чистого разума, как царство чистой мысли»:

«Это царство есть истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой. Можно поэтому выразиться так: это содержание есть изображение бога, каков он в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа» [2, с. 103].

Логическая программа Гегеля представляет развитие кантовского проекта «трансцендентальной логики», рассматривающей формы мышления – продукт специфического вида человеческой деятельности – относительно их содержательной значимости. В стремлении гарантировать полную достоверность познания Гегель, опираясь на «Наукоучение» Фихте и шеллингианскую концепцию тождества реального и идеального, определяет логику как науку о законах не только человеческого мышления, но и всего мироздания.

Однако уже в 1812 г. в первом издании «Науки логики» Гегель признает неудачными попытки расширения логики за счет психологического, педагогического и физиологического материалов. О работе Фриза, на год раньше опубликовавшего свою «Систему логики», Гегель отзывается просто грубо:

«Одно только что появившееся исследование этой науки – "Система логики" Фриза – возвращается к антропологическим основам. Поверхностность представления или мнения самого по себе, составляющего исходный пункт этой "Системы", а также ее обоснования избавляют меня от труда уделять какое-либо внимание этому незначительному произведению (Erscheinung)»¹ [2, с. 487].

Выпад Гегеля не остался незамеченным. Во втором издании «Системы логики» Фриз помещает абзац, призванный отразить нападки оппонента:

«Господин Гегель принимает объем логики, который здесь дан, за слишком узкий и объединяет, правда только как второй раздел, эту науку в качестве субъективной логики с онтологией, которую он называет объективной логикой, в ней он как бы соединяет одной задачей кантовскую трансцендентальную и аналитическую логику. Однако мне все же для членения философии на логику и метафизику кажется решающим кантовское деление аналитических и синтетических суждений: так что это измышление ко мне не применимо» [12, s. VII].

---

¹ Это далеко не единственное высказывание Гегеля о философии Фриза. Вот только один из пассажей переписки с Ф.И. Нитхаммером, касающийся философии Фриза: «... это дрянная, исполненная пояснений, бессвязная болтовня с кафедры, которую может выдавать только тупая голова в часы пищеварения» [1, с. 325].

Нежелание вникать в тонкости аргументации оппонентов можно понять как часть полемической стратегии Гегеля. Сознательное отрицание способности логики объединить учение о познавательных возможностях человека (логику) и учение о законах мира (метафизику или онтологию) диктуется вовсе не «тупоголовостью» автора, а интересом к психологическим актам эмпирического сознания.

Острота полемики Гегеля с Фризом показывает, что необходимость реорганизации структуры философских дисциплин не просто осознается Гегелем, но понимается как важная задача, решение которой он видит в расширении объема логики [2, с. 80]. Как следствие расширения границ дисциплины логика совпадает «с *метафизикой* – наукой о *вещах, постигаемых в мыслях*, за которыми признаётся, что они выражают *существенное в вещах*» [2, с. 120]. Таким образом, не психология, а логика оказывается в центре всей структуры философского знания.

Гегелевский проект в отличие от психологической программы отстаивает дисциплинарную независимость и целостность философского знания. Концепция «Науки логики», теоретически доказывая достоверность логического познания, делает несостоятельными возможные эпистемологические претензии со стороны психологии и математики. Эти очевидные преимущества были по достоинству оценены младшим поколением философов, разрабатывавшим свои концепции логики с оглядкой на «Науку логики»¹. Концепция Гегеля, объединившего в логике и концепцию познания, и метафизику, без сомнения, оказывается очень успешной. Она не только отстаивает ценность философии, но и ее целостность, гарантируя защиту от притязаний конкурирующих дисциплин на отдельные разделы философского знания.

Анализ спора об объеме логики показывает, что он не является спором исключительно теоретическим. Затрагивая архитектуру философского знания (вопрос об объеме логики мог быть легко переформулирован в вопрос об ориентации всей философии), он напрямую касается дисциплинарного деления философии как общей специальности. Этим объясняется широкий интерес к дискуссии об объеме логики, в частности, со стороны тех философов, которые занимают критическую позицию по отношению к самодостаточности самого философского знания.

Логика в пределах только форм

Вполне вероятно, что, утверждая во введении в «Науку логики» бесперспективность расширения логики за счет психологических и физиологических знаний, Гегель имеет в виду книгу «Основные положения логики» (1808) Иоганна Гербарта (1776–1841). Философ, чья популяр-

---

¹ Одним из наиболее ярких примеров развития гегелевской программы может служить концепция логики Розенкранца, отстаивавшего деление логики на объективную, субъективную и абсолютную [22].

ность и влияние на протяжении большей части XIX в. были вполне сопоставимы с гегелевскими, тоже предлагает существенный пересмотр структуры всего философского знания.

Учение Гербарта перекраивает структуру всего философского знания. Герbart не стремится создать взаимосвязанную систему философских наук, а наоборот, обособляет дисциплины, традиционно входящие в область философской компетенции. Главный исследовательский интерес Гербарта сосредоточен на педагогике, для решения теоретических задач которой он разрабатывает оригинальное психологическое учение, фундированное, в свою очередь, в его метафизике. В стремлении усилить слабо развитую в то время экспериментальную методологию психологических исследований, он предлагает переориентировать философскую психологию на математизированное естествознание как эпистемологический образец¹.

Герbart полностью отделяет логику от метафизики, которую он определяет как «науку о постигаемости (*Begreiflichkeit*) опыта» [14, s. 215]. Метафизика исходит из соответствия данного в опыте понятиям, его описывающим. В случае появления противоречий именно метафизика должна посредством гипотез корректировать понятия или развивать понятийный аппарат. В отличие от Фриза и Гегеля Герbart утверждает, что не антропология, а метафизика должна обосновывать возможность психологии и логики:

«В логике необходимо игнорировать все психологическое, так как здесь должны быть доказаны исключительно те формы возможного соединения мыслимого (*Gedachten*), которые допускает само мыслимое согласно своему свойству» [25, s. 22–24].

В отличие от Гегеля с его противопоставлением формы и содержания понятия, для Гербарта вопрос о соотношении формы и содержания понятий бессмыслен. Задача логики – выявить возможные истинные отношения понятий. В духе своей философии Герbart не боится показаться до прозаичности простым, давая следующие рекомендации читателям:

«Самое первое, что нужно сделать, обратившись к понятиям, сделать их ясными и, насколько это возможно, отчетливыми. Отчетливость (*Deutlichkeit*) заключается в различных свойствах понятия, ясность – в отличии друг от друга нескольких понятий. Отчетливые понятия могут принимать форму суждений, объединение суждений дает умозаключения. С этого момента в дело вступает логика; она сама является той первой частью философии, которая в целом рассматривает отчетливость в понятиях и возникающие из них соединения» [15, s. 2].

---

¹ Подробнее об особенностях философских построений Гербарта и о научной несостоятельности гербартианской программы по математизации психологии см. [6, с. 9–34].

Сведение задачи логики лишь к работе по прояснению понятий снижает ее эпистемологическую значимость. Однако, с другой стороны, ограничение логики от расширения за счет других философских разделов способствует переключению исследовательских усилий на разработку логического знания как самостоятельной дисциплины. И если Герbart не занимается разработкой собственных оригинальных логических теорий, то его ученики способствуют развитию логического знания в рамках намеченной исследовательской программы. Продолжателем герbartианского проекта можно назвать философа и математика Морица Дробиша (1802–1896).

Дробиш, как и его учитель, стремится применить математические исчисления к логическому знанию¹. Он убежден, что является продолжателем кантовской логической программы. В частности, определяя логику, он, правда, без прямой цитаты, ссылается на утверждение Канта из «Метафизических начал естествознания». Опираясь на авторитет кенигсбергского мыслителя, Дробиш заявляет, что чистая философия является познанием разума на основе одних лишь понятий. Как и Гербарта, Дробиша совершенно не смущает, что логике предписывается заниматься формой понятий; наоборот, согласно его мнению, отношения понятий и являются материалом логики, а потому, что «она включает рассмотрение материи понятий и потому, что она зависит от их формальных различий, она называется формальной философией (Formalphilosophie)» [8, s. 3].

В отличие от представителей психологистской программы, подвергавшихся со стороны Гегеля жесткой критике, сторонников «формальной философии» автор «Науки логики» предпочитает обходить демонстративным молчанием². Герbart и его последователи также не ссылались на сочинения Гегеля, в то время как разногласия с Фризом относительно обоснования психологии не мешали им рекомендовать логические сочинения Фриза в качестве дополнительной литературы наряду с работами Йогана Хофбауэра и Вильгельма Круга [15, s. 2; 8, s. IX].

Наличие перекрестных ссылок или же полное их отсутствие позволяет лучше понять интеллектуальный ландшафт университетской философии первой половины XIX в., прояснить организацию взаимодействия представителей различных философских направлений. Акцентируя внимание на институциональных аспектах развития философии как университетского знания, можно сделать вывод, что заслуга первого послекантовского поколения – дисциплинарное межеевание научного

---

¹ О значении, которое придавал Дробиш математике, говорит вынесенное на обложку книги указание о том, что она содержит логико-математическое приложение. Об этом подробнее см. [28, p. 207–208].

² Как утверждает Дирк Штедерот, Гегель не только дистанцировался от идей сторонников эмпирической психологии, но даже не ознакомился с сочинением Гербарта «Психология как наука». Последней вывод Штедерот делает на том основании, что в библиотеке Гегеля нет книг Гербарта [24, s. 86].

поля философии. Естественная смена поколений укрепляет тенденции «сциентификации» логических программ первой трети XIX в. Дебаты об объеме логики находят отражение и в академическом куликулуме, и в практике преподавания философских дисциплин в том или ином университете Германии¹. Созданные как авторские концепции, логические программы быстро превращаются в нормативное знание и притягивают к себе новые исследовательские силы, способные работать в уже сложившейся системе координат. Это приводит к тому, что аффилированность с именем и личными связями создателя концепции ослабевает, хотя эта тенденция проявляется по-разному в зависимости от организации преемственности среди сторонников различных программ.

Теория познания и формальная логика

В тридцатые годы XIX в. к уже сформированным концепциям логики добавляется новый проект, декларирующий «опосредование противоположностей субъективно-формальной и метафизической логик» [27, s. 58]. Выразителем этой программы выступит следующее за поколением Гегеля и Гербарта поколение мыслителей. Истоки предложенного проекта можно распознать в оригинальном учении о диалектике Фридриха Шлейермахера (1768–1834). Именно Шлейермахер стремился соединить результаты эмпирических исследований с философской методологией, постулируя параллелизм мышления и бытия и наличие между ними опосредующего элемента. Такое понимание предполагало создание новой дисциплины, которой предписывались бы задачи по выяснению возможностей для человеческого духа объективного познания. Именно с этим стремлением связывает Клаус Кенке появление термина «теория познания», ставшего одним из центральных понятий неокантианства [17, s. 59–69]. Появление новых терминов, таких как, например, «теория познания», «учение о формах мышления», предложенных Эрнстом Рейнгольдом (1793–1855), «наука о науке» (*Wissenschaft von der Wissenschaft*), использованного Христианом Вайсом (1801–1866), и других должно было обозначить единство психологии, логики, философии языка, «трансцендентальной философии», герменевтики и учения о методах.

Разработка теоретико-познавательной проблематики позволяет, достигая компромиссных решений в ходе конкурентной борьбы, суммировать достижения предыдущего поколения. Философские учения,

---

¹ Как правило, курс логики представлял пропедевтический курс, был введением в философские науки. Пропедевтический курс редко был посвящен исключительно логике, обычно он объединял логику с одной из дисциплин философского цикла, например: «Логика и метафизика», «Логика и учение о познании», «Логика и учение о методах», «Логика и диалектика» или относился к циклу лекций по «Энциклопедии». В среднем объем лекций по логике составлял 9–12 % от общего объема лекций философского цикла. Подробнее об этом см. в работе Ульриха Шнайдера [23, s. 91].

делающие акцент на теории познания, оказываются наиболее востребованными в середине XIX в. Одним из последовательных выразителей этого направления становится Адольф Тренделенбург, берлинский философ, выступивший как против гербартианской логической программы, так и против проекта «науки логики» Гегеля.

Претензии к оппонентам Тренделенбург излагает в начале двухтомного *opus magnum* «Логические исследования» (1840), посвящая первые две главы анализу предложенных концепций логики. Первая из них, представленная работами Августа Твестна (1789–1876) и Морица Дробиша, «хочет понять формы мышления в себе и для себя, не обращая внимания на содержание, которое проявляется в этих формах» [25, s. 16; 7, с. 18]. По мнению Тренделенбурга, она должна быть ограничена в эпистемологических претензиях. Вторая, гегелевская концепция, «смело принимается развивать мышление и бытие в их общем единстве» [25, s. 36; 7, с. 40] и не выдерживает философской критики.

В контексте задачи выявления трансформации дисциплинарных границ логического знания значимыми оказываются не столько содержательные аргументы, хорошо проанализированные в отечественной исследовательской литературе [4], сколько то, как Тренделенбург концептуализирует позиции оппонентов. Противопоставление гербартианской традиции гегелевскому пониманию логики Тренделенбург обозначает как противопоставление «формальной логики» «диалектическому методу», впервые придавая этим словосочетаниям смысл теоретических концептов¹.

Распространенное представление, что термин «формальная логика» вводится Кантом, не верно. Как было продемонстрировано выше, в «Критике чистого разума» говорится о «формальных правилах мышления», наука о которых называется общей логикой. Для Фриза и Гербарта также не существует формальной логики в качестве обособленного логического знания, они оперируют терминами «формальная философия» или «наука о формах мышления». Первое употребление словосочетания «формальная логика» встречается в работе Э. Рейнгольда «Логика, или всеобщее учение о формах мышления», где оно употребляется в контексте гербартианской программы и не имеет концептуальной осмысленности [21, s. VII]. Однако после публикации «Логических исследований» термин «формальная логика» приобретает широкое распространение. В частности, сам Дробиш в последующем издании «Нового изложения логики» [9] неоднократно использует понятие, введенное его критиком.

---

¹ Выражаю особую благодарность Ю.Ю. Черноскутову (Санкт-Петербургский государственный университет) за высказанное во время обсуждения моего доклада на конференции «Современная логика. Проблемы теории и истории» (СПб., 24–26 июня 2010 г.) предположение, что именно Тренделенбург первым использует понятие «формальная логика» в значении термина. Данная гипотеза полностью подтвердилась, что позволило существенно скорректировать ход данного исследования.

Подобно «формальной логике» термин «диалектический метод» не использовался в критической литературе как фиксированное понятие. Критика Тренделенбургом логической концепции Гегеля не сводится к доказательству несостоятельности основных понятий «диалектического метода», спустя три года Тренделенбург выпускает брошюру «Логический вопрос в системе Гегеля». В ней он предъявляет претензии, смысл которых лежит за пределами исключительно философских аргументов. Подводя итог изложению своей позиции, Тренделенбург задается вопросом: «Является ли диалектический метод чистого мышления Гегеля научным методом?» Его собственный ответ был однозначным: «Согласно проведенным исследованиям мы должны со всей решительностью *отрицательно* ответить на него» [26, s. 26].

Смысл этого отрицания заключается в изменении задач, стоящих перед логикой. По мнению Тренделенбурга, логическое знание должно заниматься выработкой методологии научного познания.

«Науки успешно ищут свои собственные пути, но обычно не задаются вопросом о методах, так как направлены не на свои приемы, а на свой предмет. Логике надлежало бы здесь наблюдать и сравнивать, возвышать бессознательное до уровня сознания и постигать различное в едином, общем источнике». Без пристального внимания к методам частных наук она не может достичь цели...» [25, s. IV; 7, с. IV].

Переосмысление задач логики, спровоцировавшее новый этап дискуссии под названием «логический вопрос», – не единственная заслуга Тренделенбурга в процессе трансформации логического знания в XIX в. Формальной логике, традиционно связанной с именем Аристотеля, Тренделенбург противопоставляет новое прочтение логических учений античного философа, ставшее востребованным широким кругом мыслителей, среди которых особенно стоит отметить Франца Brentano. Работа Тренделенбурга по реконструкции лейбницианской программы универсального языка становится тем источником, из которого Готлоб Фреге заимствует одно из центральных понятий своего логического проекта – «Begriffsschrift».

Развитие логики последней трети XIX в. представляет собой сложный конгломерат разнонаправленных тенденций, составляющих контекст, к которому восходят концепции, оказавшие решающее влияние на образ философского и логического знания XX в. Обновление методов психологического исследования превращает психологию в отдельную дисциплину, если и претендующую на какое-то взаимодействие с философским знанием, то уже не на правах раздела логики, а в качестве форпоста для реформирования всей философии. Гегелевский проект «науки логики» трансформируется в теорию познания, где логика конкурирует уже со смежными дисциплинами. Специализация логических исследований лишает актуальности работу по определению места логики в ряду

других философских наук. О превращении логики в «нормальную» дисциплину свидетельствует появление нескольких трудов по истории логики¹. Автономизация логического знания обеспечивает возможность проникновения в германоцентричный исследовательский контекст английских логических концепций.

Список литературы

1. Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1971.
2. Гегель Наука логики: в 3 т. Т.1. – М.: Мысль, 1970.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1: Прологомены к чистой логике. – М.: Академ. проект, 2011.
4. Длугач Т.Б. Проблема бытия в немецкой философии и современность. – М.: ИФ РАН, 2002.
5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. на немецком и русском языках. Т.2. Ч.1. /под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой. – М.: Наука, 2006.
6. Куренной В. Философско-педагогическая концепция Гербарта в историческом и проблемном контексте // Гербарт И. Ф. Психология. – М.: Дом интеллект. кн., 2007. – С. 9–34.
7. Тренделенбург А. Логические исследования: в 2 т. Т.1. / пер. Е. Корша. – М.: Изд-во Солдатенкова, 1868.
8. Drobisch M. Neue Darstellung der Logik nach ihren einfachste Verhältnissen. – Leipzig: Voss, 1836.
9. Drobisch M. Neue Darstellung der Logik nach ihren einfachste Verhältnissen. 3. Auflage. – Leipzig: Voss, 1863.
10. Fries J.F. Neue Kritik der Vernunft. Bd. 1. – Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1807.
11. Fries J.F. System der Logik. Ein Lehrbuch zum Gebrauch für Schulen und Universitäten. – Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1811.
12. Fries J.F. System der Logik. Ein Handbuch für Lehrer und zum Selbstgebrauch. 2., verbesserte Auflage. – Heidelberg: Mohr und Winter, 1819.
13. Hartwig F. Reform Efforts of Logic at Mid-nineteenth Century in Germany // World Views and Scientific Discipline Formation. (eds) W. Woodward, R.S. Cohen. – Dordrecht: Kluwer Academic Publisher, 1991. P. 247-258.
14. Herbart J.F. Allgemeine Metaphysik: nebst den Anfängen der philosophischen Naturlehre. – Königsberg: Unzer, 1824.
15. Herbart J.F. Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie. – Königsberg: Unzer, 1813.
16. Kusch M. Psychologism: case study in the sociology of philosophical knowledge. – London: Routledge, 1995.
17. Köhnke K. C. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus. Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus. – Frankfurt. a. M.: Suhramp, 1986.

¹ Примером такого описания служат труды Рейнгольда [21], Розенкранца [22] и Иберверга [27].

18. Peckhaus V. Logik, Mathesis universalis und die allgemeine Wissenschaft: Leibniz und die Wiederentdeckung der formalen Logik im 19. Jahrhundert. – Berlin: Akademie Verlag, 1997.
19. Rabus G. L. Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete der Logik bei den Deutschen und Die logische Frage. – Erlangen: Deichert, 1880.
20. Rath M. Der Psychologismustreit in der deutschen Philosophie. Freiburg (Breisgau). – München: Alber, 1994.
21. Reinhold E. Die Logik oder die allgemeine Denkformenlehre. – Jena: Cröker, 1827.
22. Rosenkranz K. Die Modificationen der Logik: abgeleitet aus dem Begriff des Denkens. – Leipzig, 1846.
23. Schneider U. J. Philosophie und Universität: Historisierung der Vernunft im 19. Jahrhundert. – Hamburg: Meiner, 1999.
24. Stederoth D. Hegels Philosophie des subjektiven Geistes : ein komparativer Kommentar. – Berlin: Akad.-Verl., 2001.
25. Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. 1 Aufl. Bd.1. – Berlin: Bethge, 1840.
26. Trendelenburg A. Die logische Frage in Hegel's System. Zwei Streit-schriften. – Leipzig: Brockhaus, 1843.
27. Ueberweg F, System der Logik und Geschichte der logischen Lehren. – Bonn: Marcus, 1857.
28. Vilkkö R. The Logic Question During the First Half of the Nineteenth Century //The Development of Modern Logic (Ed.) L.Haaparanta. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 203–222.